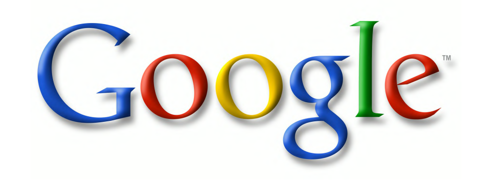
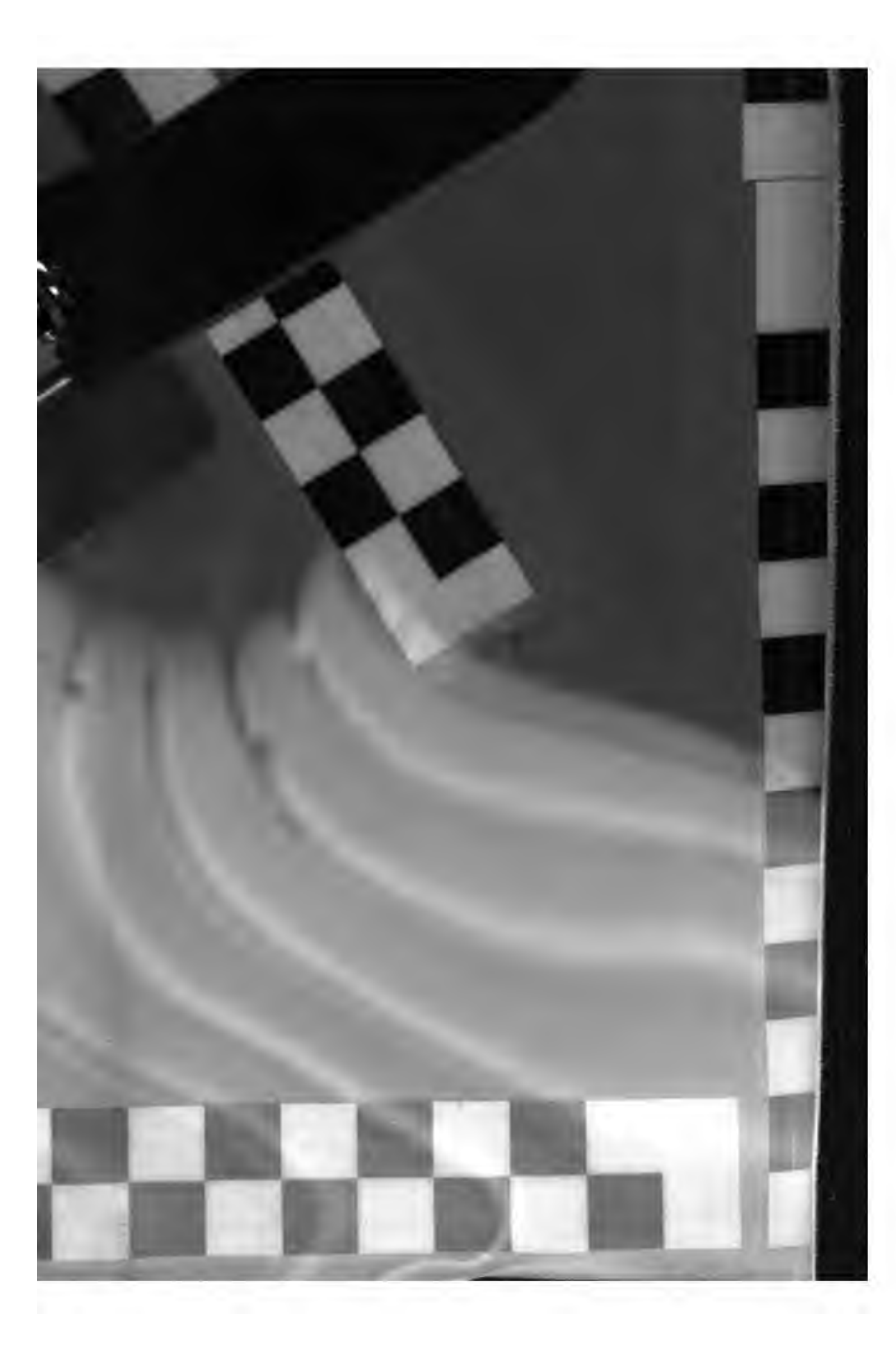
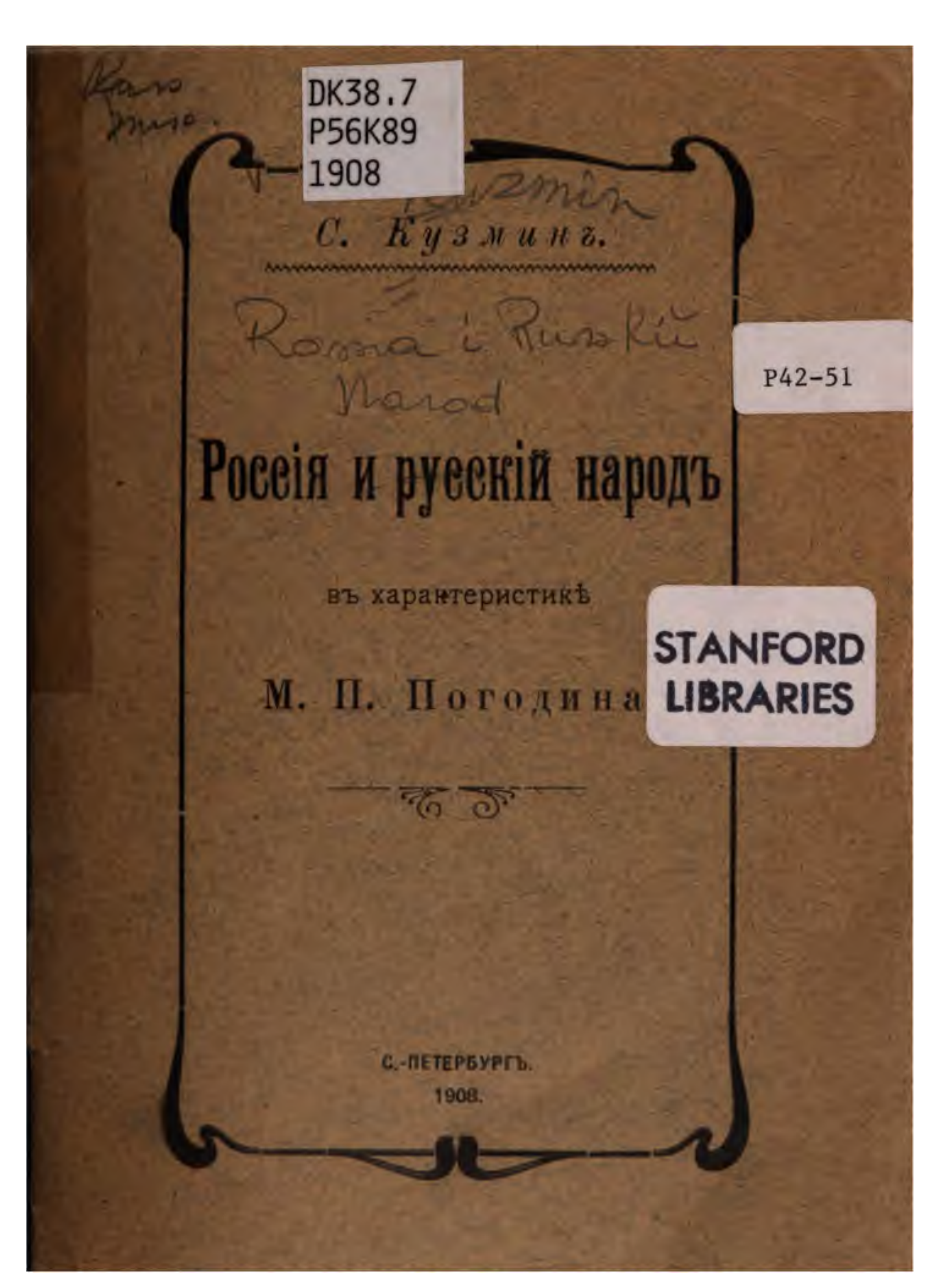

С. Кузминъ.

Россія и русскій народъ

въ характеристикѣ

М. П. Погодина

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1908.

С. Кузминъ.

Россія и русскій народъ

въ характеристикѣ

М. П. Погодина.

Типографія Я. БАЛЯНСКАГО, Загородн. пр. 74 прот. Техн. Инст.

«Я плакалъ въ Кремлѣ смотря на народъ и Царя, писалъ въ 1837 году М. П. Погодинъ, все думалось о Государѣ... хотѣлось мнѣ приблизиться къ нему. Смѣло-бы я ему сказалъ, что не меньше его люблю Отечество». Погодинъ любилъ Россію, любилъ русскій народъ, любилъ русскаго Царя; и не за то только любилъ онъ Россію, что она была его отечествомъ, но за то, что она была лучшею страною, не за то любилъ онъ русскій народъ, что самъ онъ былъ русскимъ, но за то, что русскій народъ, по его глубокому убѣжденію, былъ лучшимъ народомъ; не за то любилъ онъ русскаго Царя, что онъ былъ глава русскаго народа, но за то, что онъ былъ носителемъ идеальной власти, за то, что русскій царь былъ идеаломъ власти. Погодинъ зналъ Россію, зналъ всѣ ея уголки; Погодинъ зналъ русскій народъ, зналъ всѣ изгибы его духа; Погодинъ зналъ Западъ и его населеніе. Каждая его мысль, каждое его слово имѣло за собой основаніе, глубокое знаніе жизни, дѣйствительности. По-

годинъ—не утопистъ мечтатель, не рутинеръ, Погодинъ—великій русскій умъ, умъ ученаго, умъ публициста. Въ томъ же 1837 году, какъ извѣстно, сгорѣлъ Зимній Дворецъ. Этотъ фактъ, несомнѣнно, произвелъ тягчайшее впечатлѣніе. Погодинъ его отмѣтилъ слѣдующими словами: «Пожаръ Зимняго Дворца, чуть ли не на одной недѣлѣ съ пожаромъ биржи въ Лондонѣ, съ пожаромъ театра въ Парижѣ. Три главные народа лишились въ одно время тѣхъ предметовъ, которые были для нихъ всего на свѣтѣ дороже: жилище царское для русскаго, биржа для англичанина и театръ для француза!» Какое мѣткое опредѣленіе народнаго духа. Маститый ученый, изучившій исторію своего отечества по первоисточникамъ, составилъ по просьбѣ графа С. Г. Строганова записку о Москвѣ, которую графъ предполагалъ поднести наслѣднику Александру Николаевичу, ожидая пріѣзда Его Высочества въ перво-престольную столицу. Эта записка Погодина имѣла громадный успѣхъ. Ему дорога была Москва, какъ «сердце Россіи, сердце горячее, пылающее любовью къ Отечеству, которое живо бьется при всякой его радости, которое готово на всякія пожертвованія, на труды и болѣзни, на раны и смерть, для его счастія, которое свято дорожитъ его славою, и которое пламенно, искренно любитъ добрыхъ, земныхъ царей, посылаемыхъ Богомъ». «Когда, пишетъ Погодинъ, императорскій флагъ на Кремлевскомъ

Дворцѣ возвѣстить его (т. е. наслѣдника) прибытіе, когда большой Успенскій колоколъ начнетъ свой торжественный благовѣстъ, и Царская площадь покроется многочисленнымъ православнымъ народомъ, и единодушное ура! грянетъ громомъ при видѣ вождѣленнаго державнаго первенца Москвы, пусть онъ всмотрится въ эти лица, пусть онъ вслушается въ эти звуки, онъ услышитъ въ нихъ, онъ прочтетъ въ нихъ, яснѣе всѣхъ лѣтописей, нашу исторію; онъ постигнетъ по нимъ вѣрнѣе всякихъ статистическихъ выкладокъ тайну Русскаго могущества; онъ узнаетъ въ эту великую минуту откровенія, что такое Москва, что такое русскій человѣкъ, что такое Святая Русь; передъ нимъ разоблачится ея безконечное будущее, его высокое предназначеніе, и юное, чистое, добродѣтельное сердце его насладится такими чувствованіями, какихъ выше, священнѣе нѣтъ для царей на этомъ свѣтѣ». Наслѣднику понравилась записка Погодина и онъ поручилъ ему, черезъ графа Строганова, составить общую записку о важнѣйшихъ эпохахъ Россійской Имперіи. Погодинъ немедленно приступилъ къ исполненію воли великаго князя. Свою работу онъ раздѣлилъ на двѣ части: въ первой онъ далъ общую характеристику Россіи и русскаго народа, во второй онъ предполагалъ послѣдовательно изложить событія. Закончивъ первую часть своей записки Погодинъ передалъ ее графу Строганову. Но

Строгановъ не только не одобрилъ ее, но отказался даже доложить великому князю и не возвратилъ ее Погодину. Только черезъ тридцать лѣтъ эта замѣчательная записка стала достояніемъ общества да и самого Погодина. Такая неудача съ первой частью этой записки, имѣющей характеръ вступительнаго письма на имя великаго князя, послужила причиною къ прекращенію дальнѣйшихъ занятій Погодина по этому вопросу. Но между тѣмъ, это вступительное письмо имѣетъ громадный интересъ. Пораженный величіемъ физическихъ силъ Россіи, онъ говоритъ: «Россія—государство, которое заключаетъ въ себѣ всѣ почвы, всѣ климаты, отъ самаго жаркаго до самаго холоднаго,—обилуетъ всѣми произведеніями. Многія изъ сихъ произведеній таковы, что порознь составляютъ источники благосостоянія въ продолженіе вѣковъ для цѣлыхъ большихъ государствъ. Золота и серебра, кои почти перевелись въ Европѣ, мы имѣемъ горы, и въ запасѣ еще цѣлые хребты непочатые. Желѣза и мѣди—пусть назначатъ какое угодно количество, и на слѣдующій годъ оно будетъ доставлено исправно на Нижегородскую ярмарку. Хлѣба--мы накормимъ всю Европу въ голодный годъ. Лѣса—мы ее обстроимъ, если бы она, оборони Боже, выгорѣла. Льна, пеньки, кожи,—мы ее одѣнемъ и обуемъ. Для вина—длинные берега Чернаго и Каспійскаго морей, Крымъ, Кавказъ, Бессарабія ожидаютъ

дѣлателей, и владѣльцы Бургундскіе, Шампанскіе стараются закупать себѣ участки въ этихъ краяхъ. Шерсть мы отпускаемъ даже, теперь, и Новороссійскій край, древнее раздолье кочевыхъ племенъ, представляетъ столько тучныхъ пастбищъ, что стада несмѣтныя могутъ тамъ разводиться, и мы не позавидуемъ никакимъ мериносамъ Испаніи и Англіи. Говорить ли о рогатомъ скотѣ, рыбѣ, соли, пушныхъ звѣряхъ? Въ чемъ есть нужда намъ, и чего мы не можемъ получать дома? Чѣмъ не можемъ снабжать другихъ? И все это мы видимъ, такъ сказать, наружи, на поверхности, близко, подъ глазами, подъ руками, а если еще спустятся глубже, осмотрятъ далѣе! Не приходятъ ли безпрестанно слухи, что тамъ открылись слои каменнаго угля, на нѣсколько сотъ верстъ длиною, тамъ оказался мраморъ, тамъ пріискались алмазы и другіе драгоцѣнные камни!».

«Конечно, многаго нѣтъ въ дѣйствительности изъ того, что я сказалъ здѣсь, но я говорю о возможности, еще болѣе—о легкости и удобствѣ. И въ самомъ дѣлѣ, что изъ сказаннаго не можетъ начаться завтра, если оно будетъ нужно, и если на то послѣдуетъ Высшая воля?» *). Далѣе, Погодинъ анализируетъ нравственныя силы Россіи.

---

*) «Жизнь и труды М. П. Погодина»—Н. Барсукова книга V.

„Изъ нравственныхъ силъ,—говоритъ Погодинъ,—укажемъ прежде всего на свойство Русскаго народа—его толкъ и его удаль, которымъ нѣтъ имени во всѣхъ языкахъ Европейскихъ, ето понятливость, живость, терпѣніе, покорность, дѣятельность въ нужныхъ случаяхъ, какое-то счастливое сочетаніе свойствъ человѣка сѣвернаго и южнаго. Образованіе и просвѣщеніе принадлежатъ почти кастамъ въ Европѣ, хотя открытымъ для всѣхъ, но все-таки — кастамъ, и низшія сословія, съ немногими исключеніями, отдѣляются какимъ то тупоуміемъ, замѣтнымъ путешественнику съ перваго взгляда. А на что неспособенъ Русскій человѣкъ? Представлю нѣсколько примѣровъ, обращу вниманіе на случаи, кои повторяются ежедневно предъ нашими глазами. Взглянемъ на сиволапаго мужика, котораго вводятъ въ рекрутское присутствіе: онъ только что-взятъ отъ сохи, онъ смотритъ на все исподлобья, не можетъ ступить шагу не задѣвши; это увалень, настоящій медвѣдь, національный звѣрь нашъ. И ему за тридцать, иногда сорокъ лѣтъ... Но ему же забрѣютъ лобъ, и черезъ годъ его уже узнать нельзя; онъ маршируетъ въ первомъ гвардейскомъ взводѣ, и выкидываетъ ружьемъ не хуже иного тамбуръ-мажора, проворенъ, легокъ, и даже изященъ на своемъ мѣстѣ. Этого мало: ему дадутъ иногда въ руки валторну, фаготъ или флейту, и онъ полковой музыкантъ начнетъ вскорѣ играть на нихъ такъ, что его

заслушается проѣзжая Каталани или Зонтагъ. Поставятъ этого солдата подъ ядра, онъ станетъ и не шелохнется, пошлютъ на смерть, пойдетъ и не задумается, вытерпитъ все, что угодно: въ знойную пору надѣнетъ овчиный тулупъ, а въ трескучій морозъ пойдетъ босикомъ, сухаремъ пробавится недѣлю, а форсированными своими маршами не уступитъ доброй лошади, и Карлъ XII, Фридрихъ Великій, Наполеонъ, судьи непристрастные, отдаютъ ему преимущество предъ всѣми солдатами въ мірѣ, уступаютъ пальму побѣды. Русскій крестьянинъ дѣлаетъ себѣ все самъ, своими руками, топоръ и долото замѣняютъ ему всѣ машины; а нынѣ многія фабричныя произведенія изготовляются въ деревенскихъ избахъ. Посмотрите, какіе узоры выводятъ отъ руки сборные ребятишки въ школѣ рисованія и мѣщанскомъ отдѣленіи архитектурнаго училища! Какъ отвѣчаютъ о физикѣ и химіи крестьяне-ученики удѣльныхъ и земледѣльческихъ школъ? А сколько бываетъ изобрѣтеній удивительныхъ, кои остаются безъ послѣдствій, за недостаткомъ путей сообщенія и гласности. Глубокое познаніе книгъ Священнаго Писанія, философскія размышленія, по отношеніямъ Богословія къ Философіи, принадлежатъ къ нерѣдкимъ явленіямъ въ простомъ народѣ. Молодое поколѣніе Русскихъ ученыхъ, отправленныхъ заниматься въ чужіе края при началѣ нынѣшняго царствованія, заслужило одобреніе первоклассныхъ Европейскихъ

профессоровъ, которые, удивляясь ихъ быстрымъ блестящимъ успѣхамъ, предлагаютъ имъ почетное мѣсто въ рядахъ своихъ. Все это доказательства народныхъ способностей. Вотъ сколько силъ нравственныхъ, въ дополненіе къ физическимъ». Погодинъ складываетъ физическія и нравственныя силы Россіи въ одно великое неразрывное цѣлое. «Всѣ ея силы, говоритъ онъ, физическія и нравственныя, составляютъ одну огромную махину, расположенную самымъ простымъ удобнымъ образомъ, управляемую рукою одного человѣка, рукою Русскаго царя, который во всякое мгновеніе, единымъ движеніемъ можетъ давать ей ходъ, сообщать какое угодно ему направленіе, и производить какую угодно быстроту. Замѣтимъ наконецъ, что эта махина приводится въ движеніе не по одному механическому устройству. Нѣтъ, она вся одушевлена, одушевлена единымъ чувствомъ, и это чувство, завѣтное наслѣдство предковъ, есть покорность, безпредѣльная довѣренность и преданность царю, который для нея есть Богъ земный. Спрашиваю, можетъ ли кто состязаться съ нами, и кого не прунудимъ мы къ послушанію?» Въ этихъ словахъ Погодина нѣтъ ничего лишняго. Та кажущаяся задорность, то кажущееся «преувеличеніе ея силъ», какъ говорили и говорятъ многіе враги Погодина, несомнѣнно, являются только кажущимся. Сегодня, мы живемъ, правда, въ иную эпоху, сегодня, мы живемъ не среди борьбы съ

дикими пережитками стараго, не среди борьбы за свободу, среди коихъ жилъ и работалъ Погодинъ, сегодня, мы живемъ среди борьбы съ Россіей, мы живемъ среди борьбы съ русскимъ духомъ, среди борьбы со всѣмъ тѣмъ, что носитъ отпечатокъ русской національности, что называется русскимъ. Живя въ эпоху, когда подъ словомъ „патріотизмъ" подразумѣвается не любовь къ отечеству, но ненависть, мы быть можетъ, склонны сегодня упрекнуть Погодина за слишкомъ большое „преувеличеніе" силъ и значенія Россіи. Какъ можно, скажутъ наши космополиты, такъ заносчиво гордиться величіемъ той страны, которую побили японцы, которой показали носъ финляндцы, отъ которой съ надменной улыбкой отворачиваются поляки, кавказцы, въ которой хозяйничаютъ евреи. Конечно, о такой странѣ нельзя сказать того, что говорилъ Погодинъ; но не такую Россію, общипанную и оплеванную, имѣлъ въ виду маститый историкъ. Онъ наблюдалъ великую побѣдоносную Россію и таковою Россія была; онъ наблюдалъ могучую власть и таковою власть была; онъ наблюдалъ закрѣпощенный и освобожденный отъ этого закрѣпощенія здоровый, сильный русскій народъ и таковымъ этотъ народъ былъ. Погодинъ не вѣрилъ въ ослабленіе власти, а слѣдовательно не вѣрилъ въ ослабленіе великой Россіи, и въ ослабленіе патріотизма и національнаго духа ея народа. Погодинъ гордился величіемъ Царской воли и въ

этомъ величіи видѣлъ залогъ величія страны. Онъ спрашиваетъ себя: „что есть невозможнаго для Русскаго Государя?“ И этотъ вопросъ, одинъ только вопросъ плѣнялъ Погодина и укрѣплялъ въ немъ надежды въ міровое главенство Россіи. „Одно слово, писалъ онъ, и цѣлая имперія не существуетъ; одно слово—стерта съ лица земли другая, слово и вмѣсто ихъ возникаетъ третья отъ Верховнаго Океана до моря Адріатическаго. Сто лишнихъ тысячъ войскъ и Кавказъ очищенъ, и дикіе сыны его тянутъ лямку въ русскихъ конныхъ полкахъ вмѣстѣ съ калмыками и башкирцами, а новое поколѣніе воспитывается въ кадетскихъ корпусахъ, въ другихъ нравахъ, съ другимъ образомъ мыслей. Сто тысячъ войска — и проложены военныя дороги до пограничныхъ городовъ Индіи, Бухаріи, Персіи. Мы не участвовали въ крестовыхъ походахъ, но не можетъ ли онъ освободить Іерусалимъ одною нотою къ Хивану, одною статьей въ договорѣ. Мы не открыли Америки, хотя открыли треть Азіи, но наше золото, коего добытокъ съ каждымъ годомъ увеличивается, не дополняетъ ли открытіе Колумба, и не обѣщаетъ ли противоядіе яду?» Обращая вниманіе великаго князя на то чуткое прислушиваніе Запада къ каждому вздоху Россіи, несмотря на то, что Государь Николай I былъ далекъ отъ какихъ бы то ни было завоеваній, Погодинъ писалъ: „Это не усыпное вниманіе, съ коимъ слѣдится всякій шагъ нашъ,

это безпрерывное опасеніе при малѣйшемъ движеніи, этотъ глухой шопотъ ревности, зависти и злобы, который слышится во всѣхъ иностранныхъ газетахъ и журналахъ, не служитъ ли самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ Русскаго могущества? Да.—Будущая судьба міра зависитъ отъ Россіи, говоря, разумѣется, по человѣчески, предполагая изволеніе Божіе! Какая блистательная слава!" Но эта слава основана на силѣ. Россіи же присуща и иная слава—„слава чистая, прекрасная, святая, слава добра, слава знанія, права, счастія". Погодинъ анализируетъ работы Запада. Старый Западъ ему кажется умирающей страной, не достигшей нашего развитія. Онъ ищетъ, въ какомъ государствѣ Запада достигнута нравственная человѣческая цѣль и въ своихъ поискахъ приходитъ къ выводу: „Развратъ во Франціи, лѣнность въ Италіи, жестокость въ Испаніи, эгоизмъ въ Англіи". Гдѣ же гражданское счастіе? „Золотой тѣлецъ, деньги, которому поклоняется вся Европа, неужели есть высшій градусъ Европейскаго просвѣщенія, христіанскаго просвѣщенія?"

„Гдѣ же добро святое?" М. П. Погодинъ вѣритъ, что это добро „святое" будетъ въ объединеніи славянскихъ народовъ, и это „святое добро" будетъ осуществлено Россіей. „О, Россія, пишетъ онъ, тебѣ суждено довершить, увѣнчать развитіе человѣчества, представить всѣ фазы его жизни, блиставшіе доселѣ порознь, въ славной

совокупности, сочетать образованіе древнее съ новымъ, согласовать умъ съ сердцемъ, водворить всюду миръ и правду, доказать на дѣлѣ, что цѣль человѣческая не въ одной наукѣ, не въ одной силѣ или искусствѣ, образованіи, промышленности, богатствѣ, что есть нѣчто выше, и ученности, и промышленности, и образованія, и свободы, и богатства. — Просвѣщеніе, просвѣщеніе въ духѣ христіанской религіи, просвѣщеніе Словомъ Господнинъ, — что оно, и только оно можетъ даровать людямъ счастіе земное и небесное". Заканчивая свое письмо, Погодинъ говоритъ, что „Исторія Россіи есть самый важный, самый великій предметъ изученія и размышленія въ наше время, потому что великому настоящему, величайшему будущему непремѣнно должно быть основаніе въ прошедшемъ, въ Исторіи". — Этими словами закончилось письмо, къ сожалѣнію, не достигшее своего назначенія.

Погодинъ пережилъ великую эпоху-освобожденія крестьянъ. Онъ наблюдалъ то впечатлѣніе, которое произвела эта реформа на столичное общество, на помѣщиковъ, на крестьянъ; онъ изучалъ народъ и общество всматриваясь въ ихъ суету, въ ихъ волненія. 19 февраля 1861 года по закрѣпощенной Россіи неслись торжественнымъ громомъ слова всесильнаго Монарха: „мы положили въ сердцѣ своемъ обѣтъ обнимать нашею царскою любовію и попеченіемъ всѣхъ

нашихъ вѣрноподанныхъ всякаго званія состоянія, отъ благородно-владѣющаго мечемъ на защиту отечества до скромно-работающаго ремесленнымъ оружіемъ, отъ проходящаго высшую службу государственную до проводящаго на полѣ борозду сохой и плугомъ“—„Въ силу новыхъ положеній, говорилось въ томъ-же манифестѣ, крѣпостные люди получаютъ въ свое время права свободныхъ сельскихъ обывателей“. Эти слова въ народномъ представленіи резюмировались въ неопредѣленное понятіе „дарована воля“. Народъ считалъ, что ему дарована *воля*, но что такое есть *воля*—не понималъ.. Тотъ же манифестъ далъ право крестьянамъ на владѣніе землею, но давая таковое право крестьянамъ, манифестъ не полагалъ возможнымъ нарушить право собственности помѣщиковъ, а потому формулировалъ это такъ: „Помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, представляютъ крестьянамъ за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе усадебную ихъ осѣдлость, и сверхъ того, для обезпеченія быта ихъ и исполненія обязанностей ихъ предъ правительствомъ, опредѣленное въ положеніяхъ количество полевой земли и другихъ угодій. Пользуясь симъ земельнымъ надѣломъ, крестьяне за сіе обязаны исполнить въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя въ положеніяхъ повинности... Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дается право выкупать усадебную ихъ осѣдлость... и

другія угодья, отведенныя имъ въ постоянное пользованіе. Съ таковымъ пріобрѣтеніемъ... крестьяне освободятся отъ обязанностей къ помѣщикамъ по выкупленной землѣ и вступятъ въ рѣшительное состояніе свободныхъ крестьянъ собственниковъ“. Эти слова манифеста въ народномъ представленіи резюмировались въ столь же неопредѣленное понятіе „дарована земля„. Крестьянинъ понялъ, что онъ можетъ стать владѣльцемъ земли, какъ и помѣщикъ, но на какихъ условіяхъ это должно осуществиться не проявлялъ къ таковому пониманію никакого, видимо, желанія. Такимъ образомъ въ его представленіи укрѣпились два понятія „Земля и Воля“; этими понятіями онъ начиналъ жить, къ ихъ осуществленію начиналъ стремиться, стремиться безсмысленно, ибо, повторяемъ, не понималъ смысла этихъ словъ. Но этимъ неопредѣленнымъ, тревожно-напряженныхъ состояніемъ народа воспользовались отбросы, именующіе себя русскими соціалистами. Имъ нуженъ былъ народъ, какъ орудіе для борьбы съ властью, для борьбы со всѣмъ тѣмъ, что мирно трудилось, что мирно жило; имъ нуженъ былъ государственный хаосъ, имъ нужна была народная смута. Они сновали среди крестьянскаго населенія и увѣряли его, что ему уже дана земля и воля Государемъ, но что помѣщики да чиновники не исполняютъ манифестъ. И народъ, частію вѣрилъ этимъ агитаторамъ, шумѣлъ, волновался,

а порой, не останавливался и передъ преступленіемъ.

Погодинъ рисуетъ нѣсколько характеризующихъ русскій народъ сценъ. „Мужикъ встрѣчаетъ на улицѣ женщину и спрашиваетъ ее: Вольный-ли я?—Ты дуракъ—отвѣчаетъ баба, видимо прыткая.

А онъ ее въ ухо. Будочники его схватили...—За что ты дерешься?—Она ругается, а вы скажите мнѣ: вольный-ли я?—Ну ты вольный, а все таки пойдемъ въ часть.—Ведите куда хотите, лишь бы я былъ вольный". Крестьянинъ не понималъ, что такое воля, но вольнымъ онъ хотѣлъ быть. Волю онъ оттождествлялъ съ свободой, смыслъ которой онъ также не понималъ. И *воля*, и *свобода* были для него чѣмъ то такимъ, что должно было его вырвать изъ клещней нужды, что должно было дать ему возможность легче жить, т. е. какъ говорилъ и думалъ онъ, жить вольнѣе, свободнѣе. Таковы были взгляды народа еще не испорченные пропагандой. Погодинъ приводитъ другую сценку. „Мужикъ везъ дрова на рынокъ и увидѣлъ большое объявленіе прибитое на будкѣ: Что это такое?—Свобода.—Какъ стоялъ, такъ и упалъ на колѣна, въ лужу, и началъ молиться Богу и благодарить". На свободу, на волю смотрѣлъ народъ какъ на что то святое, какъ на какое-то для нихъ великое благодѣяніе. Но пропаганда соціалистовъ исказила народное настроеніе. Народу стали

въ своихъ избахъ цѣлуя портретъ Государя, цѣлуя оттиски Манифеста. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ крестьяне получивъ Положеніе раздѣлили его на равныя части и нацѣпивъ каждый себѣ на грудь по листу тихонько отыскивали чтецовъ. Но пропаганда бѣжала по Россіи во всѣ концы перебѣгая изъ города въ городъ, изъ села въ село, изъ деревни въ деревню. Пропаганда соціалистовъ росла и свое подлое, преступное дѣло дѣлала. Тамъ, гдѣ прошла эта вьюга закручивая слабые, неустойчивые элементы, тамъ ломался, коверкался народъ. Характернымъ является отзывъ одного почтеннаго крестьянина, наблюдавшаго это перерожденіе въ своей деревнѣ. „Нынче, говорилъ онъ, пошелъ народъ трактирный, кабацкій и нѣтъ ему настоящей цѣны". Этотъ народъ подготовленный русскими соціалистами иначе встрѣтилъ манифестъ. Въ одномъ селѣ священникъ читаетъ манифестъ. Кончилъ. „Да что-же ты про волю то ничего не читаешь?—спрашиваютъ крестьяне. Знать пропускаешь?" Упреки перешли въ дѣйствіе, священникъ былъ избитъ до смерти. Такія сцены были не единичны. Натравливаемые на помѣщиковъ, чиновниковъ и духовенство, натравливаемые тѣми же самыми соціалистами, крестьяне жгли, грабили, убивали. Но каковы результаты? Отовсюду понеслись голоса въ Петербургъ, что напрасно-де освободили крестьянъ, неумѣютъде они пользоваться свободой. И этотъ голосъ

силился и крѣпъ и Богъ вѣсть какіе были-бы результаты, если-бы въ защиту этого святого дѣла не стали такіе люди, какъ Аксаковы, Погодины и другіе. Скажемъ только прямо и убѣжденно, не будь столь великихъ и честныхъ русскихъ гражданъ, русскихъ монархистовъ, какими были Аксаковы и Погодины, всякія благія начинанія Русскаго Императора были-бы совершенно изуродованы и упразднены ученіемъ заблуждающихся вожаковъ русскаго соціальнаго движенія Герценовъ и К°.

Земли и воли!—кричали распропагандированные крестьяне.—Они требовали уже не той воли, которую получали, но воли, выражающейся въ тунеядствѣ, въ неплатежѣ повинностей, въ свободѣ пьянаго разгула. Они требовали не той земли, которую разрѣшалось имъ выкупить, но земли даровой, всей земли, которую всю считали своей собственностью. Противъ такой агитаціи выступилъ М. П. Погодинъ со своими извѣстными „Грамотками", въ которыхъ онъ подробно, простымъ языкомъ разъяснялъ крестьянамъ ихъ права и вытекающія изъ этихъ правъ обязанности. Агитаторы кричатъ крестьянамъ: „Земля твоя, ты бери ее даромъ; а Погодинъ спокойно имъ возражалъ: „Даромъ ничего нигдѣ взять нельзя... Всякій человѣкъ, во всякомъ государствѣ, долженъ тянуть свое тягло, деньгами или работою, за то, что онъ отъ го-

Это не все, это еще половина, меньше половины событія... Слушайте: эти двадцать три милліона получаютъ себѣ, на извѣстныхъ условіяхъ, землю въ пользованіе, которая обезпечиваетъ на вѣки вѣковъ ихъ существованіе.

Канты, Шиллеры, Руссо, Вильберфорсы, снимайте шляпы, творите земные поклоны. Какъ это? Возможно ли? Что за чудо? Молчите и слушайте дальше: Двадцать три милліона крѣпостныхъ крестьянъ получаютъ землю въ пользованіе, а у прочихъ она уже есть, такъ что въ Россіи вскорѣ будетъ 70 милліоновъ землевладѣльцевъ, самостоятельныхъ, общинныхъ и особенныхъ да еще мѣста предложить у себя хоть семи стамъ милліонамъ—милости просимъ съ вашими капиталами, познаніями, опытами; мы отведемъ вамъ землю, сколько надо. Это—

...«для насъ не составляетъ много»!

Адамъ Смитъ, Сисмонди, Сей, Рикардо,—и ты, несчастный Мальтусъ, святотатственно налагавшій свою руку на законы человѣческаго размноженія, дерзавшій сказать: «остановитеся и воздержитеся», вопреки Творцу, повелѣвшему: «раститеся и множитеся»! Политическая экономія, наука о финансахъ, государственное хозяйство—всѣ камеральные факультеты, съ докторскими париками Геттингена, Оксфорда и Сорбоны, что вы объ этомъ думаете? Сенъ-Симонъ, Фурье, Прудонъ и отецъ Анфантенъ, какъ вы объ этомъ разсуждаете? Не хотите ли и вы по-

жаловать къ намъ въ гости: икаріи у насъ готовы, и фаланстеріямъ нѣсть числа: село Богоявленское, село Патрикѣево, Спасъ-Берендѣевка, и проч. и проч.

Вся эта, семьдесятъ милліоновъ обнимающая, операція послѣ, трехлѣтняго почти разсужденія, *дверемъ затвореннымъ*, оглашается вдругъ, на пространствѣ, равномъ всей Европѣ, и приводится въ исполненіе такъ, что ни одинъ листокъ съ дерева нигдѣ не падаетъ, всѣ дѣла идутъ по старому, ни шатко, ни валко, ни на сторону, безъ малѣйшаго волненія, ни отъ выигрывающихъ, ни отъ проигрывающихъ, какъбудто бы ничего не происходило необыкновеннаго. Но... воля ваша... это вѣдь явленіе удивительное! Монтескье, Макіавелли, Маколей, встаньте хоть вы изъ могилы, да растолкуйте намъ, одеревенѣвшимъ и окаменѣвшимъ людямъ, намъ тупоголовымъ и узколобымъ, что это значитъ, чего это стоитъ; а вы, Теккерей, Диккенсъ, Викторъ Гюго, постарайтесь это въ сказкѣ сказать или перомъ написать.

(Прибавимъ еще, для курьеза, что народъ, преданный, говорили, пьянству, внезапно отрезвляется и на радостяхъ не только не пьетъ допьяна, но еще уменьшаетъ свою порцію).

Всѣ эти семьдесятъ милліоновъ уравниваются въ своихъ правахъ. Не стало между нами никакихъ привилегій, какъ было за тысячу лѣтъ, при основаніи государства; живи всякой, какъ

тебѣ угодно, выбирай дѣло, которое тебѣ по сердцу, и получай слѣдующую за него награду сполна, по писанію: *достоинъ дѣлатель мзды своея*. Хочешь пахать землю—ну, ты крестьянинъ; хочешь торговать—записывайся въ гильдію и вступай въ купеческое сословіе; ловокъ ты руками работать—иди на фабрику; любопытство, тебя одолѣваетъ: тебѣ хочется знать все какъ и что—иди въ училища; университеты, академіи настежь растворены; хочется тебѣ писать—вотъ тебѣ перо и чернильница (только, братъ, сперва по линеечкамъ, а то, по первопуткѣ, пожалуй, можно сбиться съ дороги и забрать слишкомъ налѣво, либо направо).

И все это сталося вдругъ, въ одно истинно-прекрасное утро.

Ну не чудо ли это?

Я крестьянинъ, и имѣю, и могу имѣть, всѣ права, какія есть въ государствѣ; у меня нѣтъ никакого повода, никакого разумнаго основанія, завидовать кому бы то ни было.

Франція снискала себѣ когда-то уровненіе правъ, но она получила ихъ цѣною революціи а сколько крови пролито въ продолженіе революціи—до сихъ поръ еще не подвели итоговъ ни Минье, ни Тьеръ, ни Ламартинъ.

Англія получила Magnam chartam, Habeas corpus, но какою цѣною, за какіе труды, посредствомъ какихъ усилій!

А сколько книгъ головоломныхъ написала

Германія, выработывая свои Grundrechte: постоитъ какой угодно войны, съ сраженіями осадами, побѣдами и пораженіями.

И несмотря на головоломныя сочиненія Германіи, несмотря на геніальныя практическія соображенія Англіи, несмотря на пролитую кровь Франціи, все-таки не добрались они до настоящаго равенства, и теперь еще Французы и Нѣмцы полѣзутъ на стѣну изъ-за *de* и *von*, а Англійскій лордъ причисляетъ простолюдина къ особой породѣ. Нѣтъ, слѣдовательно, и не можетъ быть у насъ, по Исторіи, зависти, злобы, ненависти между сословіями, нѣтъ также и сословной гордости, и мнѣ столько же легко, даже лестно, почетно признать свое крестьянское происхожденіе, сколько разсіяющему князю нетрудно обходиться со мною по-пріятельски, за панибрата, и подчасъ подождать меня въ пріемной комнатѣ. А почитайте-ка вы, какъ герцогу Кумберландскому долженъ былъ кланяться въ поясъ Гиббонъ, слышите кто, Гиббонъ! И какъ геніальный Гёте кичился званіемъ тайнаго совѣтника великаго герцогства Веймарскаго, которое помѣстится просторно въ любомъ нашемъ уѣздѣ.

Къ вамъ теперь обращусь я, доморощенные наши историки-самозванцы, покойные и безпокойные, вы, препрославленные кумами-журналистами, вы, отвергавшіе сравненіе Русской Исторіи съ западною, и, наконецъ, вы, нагловоскли-

цавшіе, что у насъ нѣтъ Исторіи! Что вы скажете объ этихъ явленіяхъ?

Но мы вооружались противъ Древней Исторіи, ворчатъ они, пристыженные, а это Новая.

Да развѣ Новая Исторія не отъ Древней происходитъ? Развѣ можно устье отдѣлить отъ истока, несмысленные! Ну, вотъ вамъ событіе и изъ Древней Исторіи, которую, впрочемъ, вы еще меньше понимаете, не смотря на свои умничанья, кои разлетаются въ прахъ при первомъ прикосновеніи критики. Уничтоженіе мѣстничества. Это событіе — столь же знаменательное, хотя, разумѣется, въ меньшемъ размѣрѣ: собственныя права свои (какія бы ни были, все равно—довольно, что они представлялись самыми дорогими, кровными), собственныя права свои старое боярство кладетъ на костеръ, подгребаетъ уголья, и сожигаетъ торжественно на площади— и когда? Когда не было помину ни объ какихъ интересахъ, ни о какомъ прогрессѣ и ни о какой гуманности, когда не было никакихъ образцовъ, да и знать ихъ никто не хотѣлъ. Но развѣ дворянству принадлежитъ мысль о сожженіи разрядныхъ книгъ? Кому же? Не Ѳедору же Алексѣевичу, который, по болѣзни своей, ни объ чемъ и не думалъ; не народу, которому до разрядныхъ книгъ не было дѣла. Русскому толку, если хотите, принадлежитъ это славное дѣяніе, тому толку который признавалъ Рюрика, въ надеждѣ отъ него порядка, составилъ Судебникъ,

избавилъ Москву отъ враговъ, избралъ Михаила, издалъ Уложеніе, возвелъ на престолъ семнадцатилѣтняго юношу Петра I, сжегъ Москву, при французахъ, толку, на который и теперь, по мудрѣйшему слову въ манифестѣ, Государь полагается при приведеніи въ исполненіе величайшаго въ мірѣ преобразованія.

Любопытно узнать, какъ Европа смотритъ на то, что у насъ происходитъ — вѣрно диву дивится: что это за чудище Россія думаютъ нѣмцы, французы, англичане. Именно чудовище, господа, котораго мы сами выразумѣть не можемъ, а вамъ со своими западными масштабиками и соваться нечего.

А между тѣмъ у насъ, въ эту славную эпоху, слышатся, по угламъ, ропотъ, жалобы, неудовольствія: иной ворчитъ, другой хмуритъ брови, кто надуваетъ губы; не одни правые, но и лѣвые, и средніе. Такъ, видно, бываетъ всегда въ эпохи великихъ событій: люди вблизи радуются наименѣе, и только издали великолѣпная картина является во всемъ своемъ блескѣ.

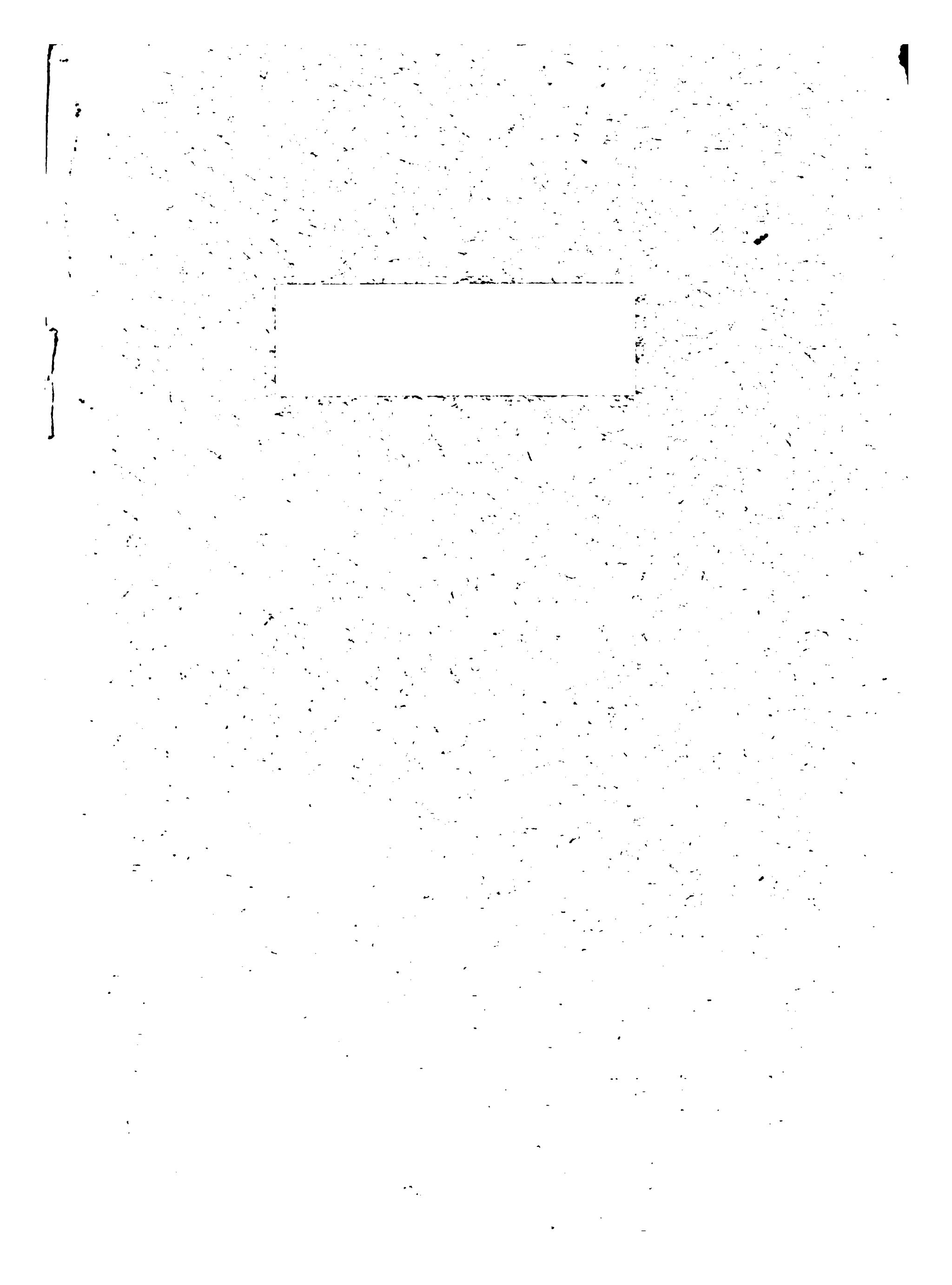
Неудовольствія, жалобы, роптанія, хоть и самыя тихія — все таки, по моему мнѣнію, есть явленіе временное. Съ каждымъ днемъ они будутъ становиться тише и тише, и скоро умолкнутъ вовсе: обозначится положеніе, уяснятся выгоды и невыгоды, придумаются средства, и непремѣнно удовлетворятся законныя права и требованія. Я стою твердо на своемъ, что никто

ничего потерять не долженъ, дворяне всѣхъ менѣе. Вознагражденіе или обезпеченіе ихъ должно пасть на весь народъ, разложиться на Всероссійскій міръ.

Какъ бы то ни было, музыка написана, ноты розданы—разыгрывать наше общее дѣло. Достанемъ инструменты, разсядемся получше, какъ училъ дѣдушка Крыловъ"...

Этой статьей Погодина мы закончимъ пока разборъ его трудовъ, коими мы пользовались по обстоятельному изслѣдованію Николая Барсукова „Жизнь и труды М. П. Погодинъ". Но это изслѣдованіе г. Барсукова, обнимающее свыше двадцати томовъ, къ сожалѣнію, для многихъ недоступно ни по объему, ни по стоимости.

Мы познакомили читателя съ воззрѣніями М. П. Погодина на Россію и русскій народъ, мы познакомили читатели съ отношеніемъ М. П. Погодина къ русской исторіи и великому истинно-освободительному движенію; но мы не сказали, какъ относился Погодинъ къ тѣмъ, кои боролись съ русской государственностью, кои боролись съ русскимъ духомъ, русской народностью, кои разрушали основы народнаго благополучія и въ то-же время кощунственно именовали себя „освободителями". Вспоминая объ этихъ самозванныхъ освободителяхъ, Погодинъ съ отвращеніемъ восклицалъ: „Когда уймутся эти проклятые?"

Цѣна 10 к.

Типографія Я. Балянскаго, Загородный пр., 74.

Stanford University Libraries
3 6105 020 552 019